

Вадим Агапов

Обратная сторона Земли

Санкт-Петербург

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вадим Агапов
Обратная сторона Земли

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Агапов В.

Обратная сторона Земли / В. Агапов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Мои дорогие читатели! Перед вами сборник рассказов, увы, не детективных! Так что настройтесь на серьезный лад. «Меч веры» - рассказ о событиях двухтысячелетней давности, место действия - Иерусалим. «Один день из жизни доктора Алексея Михайловича» - суточное дежурство в реанимации. «Обратная сторона Земли» - повесть о любви и смерти, жизни и добре, вере и трансплантологии – словом, о нас, какие мы есть. И короткий рассказик «В сочельник», написанный много лет назад во время ночного дежурства. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Меч веры	6
Часть первая. «Меч веры»	6
Часть вторая. «Один день из жизни доктора Алексея Михайловича»	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Предисловие

Автор выражает искреннюю благодарность друзьям и близким, без которых этот сборник никогда бы не появился на свет! Эльвира Романенко – редактор, корректор, вдохновитель и тонкий читатель. Артём Астащенко – гениальный математик. Художница Елена Мирнова – создатель обложки. Ксения Мальшикина – графический супер дизайнер. Главный конструктивный критик и советник – старший сын Глеб. И, конечно же, моя Муза, единственная и неповторимая!

Меч веры

Часть первая. «Меч веры»

Солнце еще не совсем опустилось к горизонту, чтобы погрузиться в облака над далеким морем, и освещало и тысячелетний Город, и горы, его окружающие, и пустыни с разбросанными камнями, редкими кустарниками, бредущими овцами и нескончаемой пылью. И если днем от палящего солнца не было спасенья – весна стояла очень жаркая, – то сейчас, к вечеру, наступала прохлада, которой радовались и люди, и птицы, и животные. Первыми оживились, пожалуй, птицы, чертившие ломаные линии по вечернему небу.

По нескольким дорогам шли в Город сотни и тысячи паломников, богомольцев, торговцев, любопытных, странников. Разноцветные, пестрые, но одинаково запыленные мужчины, женщины, дети – все они были утомлены, измотаны многодневными переходами. Как и мулы, тащившие повозки, и ослы, и верблюды с поклажей. Но открывавшийся с горы вид на стены и башни Города, на сверкающие на солнце крыши Храма и дворцов придавал им сил. А предчувствие праздника заставляло людей распрямляться и ускорять шаг. И многие начинали радостно петь и молиться, когда проходили через мост к воротам. И мулы, и ослы вносили свою лепту, присоединяясь к реву жертвенных животных, доносившемуся из Храма. Песни, крики, рев, мычание – все это заглушало шум весеннего водного потока, мчавшегося сквозь валуны по долине.

На одном из склонов Масличной горы, в тени деревьев расположилась группа людей, человек пятнадцать – двадцать. Как и все странники, выглядели они небогато, просто и буднично. На ком-то был накинут более опрятный талиф, а кто-то был одет в старый латаный греческий плащ из верблюжьей шерсти. Были среди них и совсем юные, безбородые, и были зрелые мужчины, повидавшие много чего за свою жизнь. Две женщины сидели поодаль, под старой маслиной. Они не принимали участия в беседе, точнее, споре, который негромко вели эти люди. Одна из женщин, что помоложе, с интересом рассматривала город, а вторая не отводила глаз от еще одного мужчины, лет тридцати, который тоже сидел несколько обособленно от остальных, молча, с закрытыми глазами, и наверное, даже не слышал, о чем спорили его спутники.

– ...чудеса, которые творит Учитель, сотни исцеленных Им и нами больных, – вот, что привлекает к нам! К Его учению! – с жаром доказывал кто-то.

– И чудес могло бы быть больше! – вторил ему молодой голос. – Но Учитель почему-то не любит в последнее время творить чудеса...

– А зачем, Иуда, больше чудес? – возразил кто-то тихо, но отчетливо.

– Зачем? – переспросил молодой человек. – Ты, Петр, и правда не понимаешь? Вот уж, действительно, Кифа, камень! Потому что, когда люди видят чудеса, они идут за нами! Они верят в нас, делают подношения. А деньги, которые они передают? Скольким мы помогли? Ты считаешь, это плохо? А, Петр?

– Петр всегда рядом садится с Учителем, потому что любимый ученик, – послышался немного насмешливый голос. – А ты, Иуда?

Молодой человек покраснел, вскочил и направился к *Тому*, о ком, собственно, и говорили они, к Учителю.

– А я, Иоанн, спрошу об этом самого Учителя! – бросил он.

Послышался недовольный ропот: беспокоить Учителя из-за какой-то ерунды? Однако, *Он* словно слушал всю их беседу, уже открыл глаза, и на лице *Его* блуждала легкая, добрая

улыбка. Так улыбаются родители назойливости любимых детей. Правда, взгляд *Его* был обращен куда-то далеко, в сторону Вифлеема, Иерихона и находящейся за Иорданом Вифавары.

Закрывать, зажмурить глаза некоторое время назад *Его* заставило вовсе не закатное солнце – голова *Его* была в тени от деревьев – а страшное по своей силе и неожиданное ощущение. Внезапное, как лицевой спазм, которым страдал один из *Его* учеников. Эта мысленная молния исказила *Его* спокойное всегда лицо. И *Он* зажмурился, чтобы никто не увидел, не заподозрил, что *Он* почувствовал. А мысль пронеслась, как лошадь на ипподроме, только вместо пыли осталось после нее жуткое чувство – какой-то тоски космической наполовину с болью. И при закрытых глазах было видение, как будто небо весеннее, голубое, безоблачное вдруг вспороли мечом, разрезали как пергамент, а там чернота...

– Слушаю тебя, Иуда, – совершенно спокойным голосом, однако, спросил *Он*. И улыбаясь, добавил: – Такой этот праздник красивый, что даже цвета становятся ярче, вы заметили?

– Это весна, Учитель! – произнес один из учеников и тоже подошел поближе.

– Мы спорили насчет чудес и красоты, – произнес наконец тот, кого звали Иуда, и присел рядом с деревом, на которое опирался Учитель. *Он* сидел, вытянув ноги в стоптанных сандалиях с деревянной подошвой и множеством ремешков и облокотив спину о ствол. – Мне думается, что если бы ты творил больше чудес и больше исцелял больных, то... – Иуда замолчал, подбирая слова.

– Я исцеляю больных не чудесами, а верой, – поправил его Учитель. – А чудес на свете не бывает, – мягко добавил *он*.

– Но как же? Но как же все твои... А воскрешение мертвых? А вода на свадьбе? – в один голос стали возражать ученики. – Учитель!

Вслед за Иудой и Иоанном они стали подходить к *Нему* ближе, обрадованные *Его* вниманием.

– Многие наши недруги, – продолжил *Он* с той же легкой улыбкой, обводя их взглядом, – говорят, что я фокусничаю. Что силу для исцеления и для чудес, как вы их называете, дает мне сатана. Стоит ли лить воду на их мельницу? Кому, как не вам, знать, что сила, которую мы применяем – Божественная! А вера, которой исцеляем, должна быть крепка как камень.

– А чудеса? – упрямо повторил Иуда.

– Да, – кивнул один из учеников, по имени Близнец, или Фома. – Те, кто видели чудеса *Твои*, те верят. А кто слышал от тех, кто видел – сомневаются.

Учитель покачал головой.

– Много званых, да мало избранных. Значит, слабая вера у них. А чудеса... Я вижу только одно чудо! – вдруг произнес *он*.

– Какое, Учитель?

– Чудо произойдет, если те, кто пел нам Осанну и махал пальмовыми ветвями утром девятого нисана... – *Он* снова на мгновение закрыл глаза. – Не станут вскоре кричать «распни!»...

Ученики переглядывались непонимающе. Потом стали переговариваться вполголоса. Непонятно, непривычно было настроение Учителя, всегда доброго, уверенного, радостного.

– А что вы говорили про красоту? – вдруг обратился *Он* к ним.

– То, что красота покорит мир, Учитель, – уверенно произнес Иуда. – Мир будет принадлежать красоте и любви. Разве не так?

– Мир принадлежит Богу, – возразил Учитель, – и покорять его – это ли благо? Никто не хочет спасти мир, а только завоевать... – печально добавил *он*. – Мы здесь находимся так мало, всего один миг! А Царство Небесное – вечность. Стоит ли тратить время, данное нам Богом, на завоевания? На склоки? На земные богатства? Цари земные не попадут в небесное, в наше Царство! Которое нужно заслужить. Кровью своей, а не чужой, и жизнью... Я говорил вам, что смерти нет. Есть конец этой жизни, короткой, а за ней вечная, небесная... И каждому нужно

будет выбрать: смерть или предательство? Муки страшные или сытую жизнь? Свет или тьму? Я молю только об одном, чтобы хватило сил моих вынести все испытания, но не предать...

Ученики снова отошли от него, давая возможность побыть в одиночестве и помолиться.

– Иуда у нас самый красивый, – произнес кто-то, – значит, он и покорит мир!

– Я думаю, что можно завоевать мир и остаться верным и добрым, и никого не предавая. – ответил Иуда, недовольный, что ему не дали высказаться. – Если бы я мог творить такие чудеса, то уже стал бы земным царем. Небесное Царство слишком... – он не договорил и замкнулся в себе. И перестал слушать разговоры остальных.

Солнце посылало последние лучи на Землю, отчего тени от деревьев стали длинные, а цикламены, растущие между камней, засветились, словно красные огоньки. Потоки странников почти иссякли. Некоторые из них разбивали шатры прямо у подножия горы. А по вьющейся наверх из оврага едва заметной тропке поднимался человек. Он старался идти быстро, но ему приходилось частенько останавливаться, чтобы восстановить дыхание. Лет ему было немало, и он явно не привык к таким путешествиям. По его сгорбленной фигуре можно было бы предположить, что он, скорее, проводит дни за чтением книг, чем ходит по горам. Наконец, он подошел на *расстояние камня* от дерева, у которого расположился Учитель. Тут же поднялся один из учеников, наверное, самый высокий и самый крепкий, и преградил дорогу неизвестному. Тот, однако, на ходу приветственно махнул ему рукой и, сказав что-то вроде «мир тебе, добрый человек», подошел к сидевшему с закрытыми глазами Учителю.

– О чем задумался, философ? – не сдержал улыбку подошедший.

– Приветствую тебя, достопочтимый Никодим! Я рад видеть тебя снова! – *Он* улыбнулся в ответ и легко поднялся на ноги.

Гость с белым тюрбаном на голове то ли поклонился, то ли так энергично кивнул головой, что висевшая на лбу на кожаных ремешках филиacteria весело подпрыгнула.

– Ты спрашиваешь, о чем я думал? О бедном Иоанне... вернее, о его словах...

– Ты говоришь про сына Захарии? – уточнил Никодим.

– Я говорю о Крестителе нашем. Знаешь, среди прочего он как-то сказал: «Смерть у человека такая же, как его жизнь». Об этом я и размышляю...

– Все познается в сравнении, – негромко сказал Никодим и отвел глаза. – Может быть так, что отсечение головы – это не самая тяжелая смерть. Есть и похуже... Собственно, это и привело меня к тебе...

Окружавшие их ученики деликатно отвернулись, чтобы не слышать разговора, даже продолжали беседовать между собой, но то и дело словно случайно поворачивались в их сторону, когда легкий ветерок доносил обрывки фраз.

– Знаешь, Никодим, я размышляю над одним вопросом, – словно не слыша собеседника, говорил Учитель. – Я часто изгоняю бесов из людей. То есть освобождаю их от зла. Как ты думаешь, становятся ли они при этом добрыми? Или просто очистить человека от зла недостаточно? Нужно заполнить его добром, не так ли?

– Я думаю, – ответил Никодим, тяжело вздохнув, – что ты не хочешь слышать меня.

– Ну что ты? – искренне протянул к нему руки его собеседник. – Я готов услышать тебя, чего бы ты не сказал...

– Тебе грозит опасность, и я, увы, ничем не могу тебе помочь, только убедить, чтобы ты скрылся из Города, и как можно скорее... – быстро заговорил Никодим.

– Мне грозит опасность с тех пор, как я очистился водами Иордана, когда Иоанн крестил меня. В начале ли пути, в конце его, опасность одинакова...

– Ты не понимаешь! – Никодим повысил голос. – Они боятся тебя! Они боятся последствий! Они боятся бунта, который вызовет Мессия! И римлян, против которых восстанут все. Не говоря уже о такой мелочи, как деньги!

И, видя удивленный взгляд, Никодим пояснил:

– Рынок при Храме, откуда ты выгнал торговцев, принадлежит сыновьям первосвященника. Они потеряли доход свой... Впрочем, я уже говорил, что это мелочь. А наместник римский? Что может быть страшнее, чем закон об оскорблении величия? Уже донесли, что ты Царь Иудейский, что народ поддержит тебя, что ты освободишь Иудею от ига кесаря...

– Вот и Иуда путает царство на земле и Небесное, – тихо проговорил *Он*. – Давай присоединимся? – и *Он* снова прислонился к старому дереву. – Страх, жестокость, око за око... Ты заметил, Никодим, что все люди чего-то боятся? С рождения до кончины своей. Поэтому и жестоки. А почему так сложно, вместо того, чтобы убивать, – любить. Вместо того, чтобы красть – верить... А тебе страшно, Никодим? – *Он* посмотрел на стоявшего перед ним человека долгим странным взглядом. – А страшно, потому что уже *поздно*.

– Нет, – упрямо замотал головой Никодим. – Еще не поздно!

Он хотел рассказать, что еще можно прямо сейчас уйти подальше от Города, спрятаться у верных людей, что он подскажет, куда и к кому нужно отправиться до наступления первой стражи... Но осекся. Слова застряли где-то внутри.

Никодим вдруг увидел перед собой даже не юношу, а скорее ребенка, с синими, как небо над ними, глазами. Доброго, наивного, верящего, что добро должно победить. Что мир, в котором они живут, похож на мир из притчей.

Ему, вдруг постаревшему на много лет, представился зеленый нежный росток среди песков и камней безводной пустыни... И он почувствовал, как глаза его увлажнились от того, что он видел, от того, что должно было случиться, и от того, что сделать он уже ничего не мог. Поздно. Слезы потекли по его лицу, увлажняя седую бороду. Никодим было отвернулся, но не в силах сдержаться, заплакал в голос.

– Что ты, Никодим? Неужели я тебя чем-то обидел? Садись! Хочешь, я угощу тебя вкусными баккуротами...

В надвигающихся сумерках было видно, как из ворот вышли храмовые стражники в высоких тюрбанах и с длинными копьями и направились к западу, где последние солнечные лучи тонули в Змеином пруду.

– Напрасно ты боишься, – продолжил *Он*, когда старик неловко уселся прямо на землю. – Я собираюсь на Великую битву с фарисеями. Мы все идем на этот бой.

– Я тоже из фарисеев, – покачал головой Никодим. – Ты не понимаешь... Что сила языка может сделать против меча или копья?

– Мы возьмем *меч веры*! – уже без улыбки возразил ему собеседник. – Посмотри на меня, могу ли я отступить?

И снова Никодим поразился увиденному. Заглянув в глаза, он неожиданно увидел, как они излучали ту нечеловеческую силу, которая могла исцелить, разрушить, создать или поразить, и не одного, а тысячи человек. И не мог ею владеть ни человек, ни пророк, ни маг, а только если сам Бог явился в образе человеческом.

Ученики издали смотрели на Учителя и его гостя. Те продолжали беседу, наблюдая, как ночь накрывает и Храм, и дворцы, и мрачные башни Антониевой крепости.

– ...у слепых и вожди слепы... – слышалось ученикам в тишине. – ...как рождается зло? ...все равны между собой... Слышишь тьму? А я слышу тьму...

– Это река шумит. Кедрон означает темнота...

* * *

Летит птица по безоблачному небу. Вдруг камень, запущенный кем-то, сбивает птицу, и она, нелепо взмахнув крыльями, падает на землю. И лежит в крови, на пыльной дороге, последний раз дергает лапкой и погибает. И Мария понимает, что она и есть эта птица. И от этого просыпается...

Сон этот снился ей еще до той страшной казни. Но только сейчас она поняла его смысл. Ее жизнь прервалась, словно полет этой птицы.

Она понимала сон, но не понимала, что означает это – *воскрес*.

Пришли, увидели, что камень не на своем месте. А в пещере тела не оказалось, и тогда она в голос завывала и стала рвать на себе волосы. Кто похитил *Его*? И почему все вокруг ликуют – *воскрес*? Чему радуются?

Он воскресил Лазаря, и тот ходит живой, здоровый. Это понятно...

Еще совсем недавно она тихонько заходила в комнату, где *Он* спал, смотрела, как *Он* дышит, как шевелятся губы во сне, наверное, рассказывая притчи, как лицо озаряется детской улыбкой... И подсмотрев, она даже не шла, летела к себе и засыпала счастливая, переполненная светлой радостью, чувством, никогда до этого не испытанным. Но это было словно в прошлой жизни...

Сны мешались с реальностью. Воспоминания – с болью происходящего. Мария бродила неподалеку от пещеры, среди высоких кипарисов, беспечно и не глядя, куда она идет. Слезы текли, но она не обращала на них внимания.

– *Женщина, что ты плачешь? Кого ищешь?* – стоял перед ней человек.

– *Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его!*

– *Мария!* – раздался голос *Его*.

– *Раввун!* – она бросилась было к *Нему*, протянув руки, но замерла: свет необычный исходил от *Него*, яркий и белый.

– *Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему...*

* * *

Солнце всходило над Вечным Городом, отражаясь в мутных водах Тибра, освещая Марсово поле и мавзолей Августа и озаряя теплым розовым светом весь мрамор храмов, портиков, колоннад и камни зданий, окрашивая сады на холмах в изумруд.

А в Карцере Туллианума, нареченным впоследствии Мамертинской тюрьмой, независимо от времени суток царили сумерки. Было жарко и душно, даже в глубоких камерах, куда никогда не попадал луч солнца, но проникали зловония от Большой Клоаки.

Там, в сердце подземелий, происходило странное или необычное действие. Отделенный от других узников железными прутьями решетки стоял невысокий и немолодой мужчина, лысоватый, с небольшой бородкой, и говорил. Вернее сказать, речь свою он уже закончил и просто отвечал на вопросы людей, таких же узников тюрьмы, как и он сам, скопившихся вокруг его камеры. А странность заключалась в том, что стражники, которые вроде и не должны были допускать эту проповедь, это общение, сами стояли среди заключенных и слушали его с ничуть не меньшим вниманием.

– ...потому что равны все между собой! И эллины, и варвары, и иудеи, и язычники... скажу более, что и рабы, и граждане римские тоже равны все перед Богом... – видно было, что оратор утомлен физической болью, пребыванием в подземелье, но внутренняя сила помогала ему оставаться на ногах и смотреть на слушающих его с неиссякаемой любовью и состраданием. – Ибо милосердие Христово и любовь его и к праведным, и к заблудшим... бесконечны и глубоки, словно море...

– ...и не осуждайте друг друга! Есть кому с нас отчет потребовать... по делам вашим...

– ...кто не ест, не унижайте того, кто ест... Все мне позволительно, но не все полезно!

Но ничто не должно и обладать мною! Едим ли мы – ничего не приобретаем, а не едим – ничего не теряем. Пища не приближает нас к Богу...

– ...веру вашу и любовь Бог в сердце читает! Зачем *Ему* плоть ваша? Ритуалы языческие? Приблизят ли они вас к *Нему*?

– ...любовь милосердная, долготерпеливая, зла не мыслит, выгоды не ищет, всему верит, все переносит... Можно познать тайны и науки, языками овладеть и даром пророчества, богатства нажить или раздать... но без этой любви – я никто, нет без любви от всего этого никакой пользы... Любите, дети мои, и любимы будете!

– ...пришел Христос к нам, любил, исцелял, а чем мы ему ответили? Это ли любовь?

– ...боюсь ли я казни завтрашней? Так ведь меч железный коснется на мгновение. А наш меч веры – он вечный. Когда Господь с нами, чего нам бояться? Это говорю вам я, Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божию.

Он взял кувшин с водой, предназначенной для питья, и, вылив ее в ладонь, с силой плеснул на слушавших...

Часть вторая. «Один день из жизни доктора Алексея Михайловича»

Вот всегда так бывает: если утром тихо и спокойно, то потом начинается такая суeta и бегодня, что и поесть некогда. Да не только поесть – вздохнуть нет времени. И это дежурство – не исключение.

Была пятница, и Алексей Михайлович, доктор-реаниматолог, совмещал на «скорой». И чем ближе к вечеру, тем больше было «вызовов», тем «тяжелее» становились пациенты, тем меньше надежд оставалось, что ночь будет спокойная. Погода, что ли, влияет? Или полнолуние? Или новости по «ящику»?

Мужчина, грузный, губы синие, сатурация снижается... Пленка ползет с шуршанием из аппарата ЭКГ, и доктор кривит губы, потому что видит на этой пленке ломаную кривую, не предвещающую ничего хорошего... Ни пациенту, ни ему, ни дежурному кардиологу, к которому они сейчас и понесутся с сиреной и мигалкой, заставляя оборачиваться гуляющих по городу граждан.

– Алло! – Алексей отвечает, потому что звонит жена. И на вопрос, есть ли у него минута, коротко сообщает: – Одна.

Плечом он прижимает к уху трубку сотового телефона, а руками перебирает ленту ЭКГ.

Речь идет о самочувствии их ребенка, который заболел на днях, и о бытовых проблемах, которые нужно срочно решать. Собственно, это и не проблемы, а расходы. А вот отсутствие денег – это проблема.

– Я завтра все сделаю, – отвечает он, понимая, что сейчас придется «грузить» пациента, а потом интубировать и подключать к ИВЛ. Иначе не довезти.

– Ты же завтра дежуришь в больнице, забыл? – жена устало вздыхает, тихо и скорее с сочувствием, чем с раздражением. – А я в воскресенье...

– Черт! – в сердцах говорит доктор. – Ты уверена? Я перезвоню, сейчас на вызове.

– Давай! – кричит он в сторону, и каждый понимает его по-своему: водитель набирает скорость, а фельдшер уже держит наготове интубационный набор.

* * *

«Хорошо бы сегодня часов пять поспать, – думает Алексей, понимая, что это фантазии. – Ну хорошо, часа четыре!» Да и четыре не получится, уже и ежу понятно, потому что на часах пять утра, и если бы прямо сейчас завалиться, то...

Засыпает он около восьми, но уже через полчаса его будит прибывшая смена.

* * *

Почти не опоздал. Алексей входит в отделение реанимации в начале десятого утра – ехать от подстанции до больницы недалеко.

– Здорово, а я думал, что сегодня Костя! – Заступивший доктор, Игорь, высокий, крепкий, с резкими движениями и немного бешеным взглядом, сдавливая его руку пожатием. – Ты что берешь: верх или низ?

– Можно подумать, есть разница, – ворчит Алексей, раздеваясь на ходу.

– Берешь нижний пост – спишь на диване в ординаторской, верхний – в «учебке» на столе... – пояснил ему коллега. – Если, конечно, удастся! – громко смеется он.

«Как будто я этого не знаю!» – молча качает головой Алексей и одевается в хирургический костюм темно-зеленого цвета.

Алексей, словно археолог, начинает раскопки на своем столе: он завален историями болезней, черновиками, справками вперемешку с рекламными буклетами, фонендоскопом и медицинскими справочниками.

– А это что? – натывается он на историю болезни умершего пациента. – Э-э, да он помер в полдевятого утра! Я извиняюсь, а посмертный где?

– Не волнуйся, я сам напишу эпикриз, – не оборачиваясь от компьютера, говорит Игорь. – Труп *Димин*, он его «похоронил», а посмертник написать не успел. Он сегодня на «скорой» дежурит. Мы с ним на улице пересеклись... Так что эпикриз – мой.

Игорь, несмотря на взрывной характер, говорит абсолютно спокойно, не ругаясь, и берет на себя лишнюю работу, словно своей у него нет. Алексей Михайлович хмуро смотрит на него: тот продолжает сидеть к нему спиной и заполнять электронные истории болезней. После чего распечатывает листы и клеивает их, нещадно ругаясь на клей, который растекается по столу. Рядом стоит фляжка, видимо, с коньяком. Тут же лежит книга, принесенная на дежурство для чтения: «За гроб Господень».

Алексей поворачивается к своему столу. Его каждый раз удивляют книги Игоря, которые он приносит на дежурство. Читает он их, правда, крайне редко. Последний раз был, к примеру, Шекспир. На английском. За *каким* вообще таскать тяжеленные тома, если все равно или сил нет их читать, или времени...

– А от чего он помер-то? – Алексей изучает историю умершего. – Смотри, он 89-ого года рождения, ему тридцатник только что исполнился!

– От чего? – переспрашивает Игорь. – А от *него* и помер. Неделю отмечал, потом к нам. Панкреатит... Хорошо, что мы уже отметили свой тридцатник! – Он громко смеется.

– Очень смешно... – Алексей листает «историю».

Входит санитарка, полноватая, выражение лица недовольное:

– Доктора́, там родня скандалит около двери, выйдите, это к вам!

– Я схожу, – бросает Алексей и с историей в руках идет к выходу из отделения.

Около дверей, завернутый в черный пакет, на слегка проржавевшей каталке лежит умерший пациент.

– Почему еще труп не вывезли? – кричит Алексей в сторону реанимационного зала. – Это утренний? Который в полдевятого?

Тут же он слышит ответ:

– Потому что *ваш* доктор *бумажку* не отнес! Санитары и не приехали! Теперь звоните сами в морг!

– Делать доктору нечего, как бумажки носить! – бросает Алексей, раздражаясь.

Входную дверь, между тем, начинают выламывать. Он резко открывает ее и быстро выходит из отделения в коридор, чтобы те, кто стоят за дверью, не успели рассмотреть каталку с черным пакетом. Первое, что он чувствует – запах перегара. И сталкивается нос к носу с парой – видимо, мать с сыном. Оба обозленные на жизнь вообще и на медицину в частности. Они еще не успевают высказать все свои претензии, а Алексей уже понимает, что это родня умершего, история болезни которого у него в руках.

– ...молодого, здорового загубили! – голосит женщина лет шестидесяти на весь коридор. «А может, просто выглядит старше своих лет», – успевает подумать доктор.

– Мы пройти к брату хотим! – вторит ее спутник. – Попрошаться!

– На органы, небось, пустили! Я буду требовать, чтобы все пересчитали! Уроды!

– А ну пусти, а то башку снесу!

– Органы у него, к сожалению, все пропиты, такие не пересадишь! – тихо отвечает Алексей уже из-за закрытой двери, размышляя, выдержит она натиск или нет.

* * *

– Привет, кого тут смотреть? – приходит невролог, резковатая, с короткой стрижкой, женщина лет тридцати. – И почему у вас на отделении всегда дерьмом пахнет?

– Привет! – отвечает ей Алексей. – Пахнет, как говорится, по специальности. А смотреть – Игоря! Он с утра еще ни разу не курил. Мне кажется, это неврологический симптом.

– Кофе будете? – в свою очередь предлагает Игорь. – С коньяком. А я не знаю, кого смотреть. Адвоката, наверное? Хирурги просили.

– А зачем? – невролог удивлена. – Чего смотреть-то? Кофе буду.

Они с Игорем идут в реанимационный зал, кофе варит Алексей.

– Ничего нового я вам не скажу, – выносит вердикт невролог, записывая осмотр в историю. Она печатает одним пальцем левой руки, потому что другой рукой держит чашку с кофе. – Делайте, что делали. Скорее всего, очухается...

– Это хорошо! – Игорь обрабатывает дезраствором одноразовые перчатки и, вывернув их на изнанку, аккуратно прячет в карман. – Его друганы с работы обещали нас отблагодарить, если мы его вытащим.

– Да? – невролог на мгновение перестает печатать. – Они бы лучше парня отблагодарили, который по вине этого гонщика без матери остался! – зло сообщает она и тыкает в коллег указательным пальцем. – По справедливости, вам не деньги с них брать надо, а отправить его на тот свет! Бесплатно!

– Вот за что я тебя уважаю, это за человечность и честность! – усмехается Алексей. – Может, поведаешь мне, о чем речь? Меня три дня здесь не было...

– Да, он ехал на машине... – начинает было Игорь, но невролог перебивает:

– Не ехал, а несся, летел! Его подсекли, и он вылетел на тротуар, снес автобусную остановку вместе с женщиной. Ей оторвало ногу... – Невролог подставила чашку с кофе, куда Игорь плеснул коньяка. – Формально он не виноват. Но если бы он ехал шестьдесят... Так что я бы не брала с него даже бутылку!

* * *

Алексей выбрасывает грязные перчатки и быстро идет в соседний реанимационный зал – оттуда доносится недовольный голос Игоря.

– Чего ругаешься? – интересуется Алексей.

– Да блин! – Игорь подшивает подключичный катетер к коже вновь поступившего пациента. – Нитки – дерьмо! – добавляет он.

Пациент подключен к аппарату искусственной вентиляции легких, голова его перевязана, но не как обычно у нейрохирургических больных, а немного наискось – видимо, операция была на ухе.

– Я думал, тут что-то страшное случилось, а ты просто нитками недоволен? – удивляется Алексей реакции коллеги.

– Да нитки тут ни при чем! Труп мне привезли! – он указывает на пациента. – ЛОУрики женщину прооперировали...

– Я думал, это мужчина... – Алексей пожимает плечами. – А почему труп-то? Вон, ситуация хорошая, ритм нормальный...

– Ты зрачки посмотри! – прерывает его Игорь и идет к следующему больному.

Алексей с трудом приоткрывает веки пациента, оказавшегося молодой женщиной, и вздрагивает: ее широкие черные зрачки никак не меняются, хотя сверху в глаза ей светит довольно яркая лампа.

– Слушай, может, все и не так плохо! – кричит он через весь зал Игорю. – Это мидриаз от тиопентала! – не очень, правда, уверенно добавляет он.

Игорь пожимает плечами. Он переинтубирует адвоката. Поменяв трубку, стоявшую в трахее, на другую, большего диаметра, спрашивает у Алексея:

– А ты как думаешь, очухается он или нет?

– Знаешь, в физике есть закон? Что тонет, а что всплывает, – отвечает Алексей.

Игорь тем временем прикручивает пластиковую банку из-под воды «Росинка» к кислородному вентилю.

– Очумелые ручки! – радостно говорит он.

– Интересно, что для доктора важнее: умение или сострадание? – Алексей помогает ему и подсоединяет кислород адвокату.

– Для пациента важнее умение, – усмехается Игорь.

– А я вот все больше убеждаюсь, что... – Алексей не успевает закончить мысль, раздается крик:

– Докторá! Там к *новой* родня пришла! Выйдете?

– Сходишь? – спрашивает Игорь. Он начал санировать больного. Заревел «отсос», слышались специфические звуки аспирации мокроты.

– Схожу, – без особого энтузиазма соглашается Алексей.

* * *

Игорь сидит в ординаторской, резко перечеркивая написанное в листах назначений, и безбожно ругается. Алексей садится на вертящийся стул, запрокидывает голову назад, закрывает глаза и начинает крутиться, словно космонавт на тренажере.

– Ну чего, поговорил? – не отрываясь от своего дела, интересуется Игорь. – Сказал, что там все плохо?

– Да, – не открывая глаз, отвечает Алексей. – Поговорил. Но не сказал.

Игорь поворачивается к коллеге.

– Я тут подумал... – Алексей продолжает крутиться. – Вот смотри, Агапов утверждает, что болезни все от недостатка любви, понимаешь?

Игорь задерживает на Алексее свой взгляд, внимательно разглядывает его, даже принимает.

– Слушай, – наконец говорит Игорь, – там Станиславович свою кока-колу оставил, ты ее не пил?

– Нет, – открывает глаза Алексей, – не рискую. Он туда чего-то добавляет, что потом всю ночь глаз не сомкнуть. А что?

– Ничего, – мотает головой Игорь. – Так насчет родственников новой пациентки, ты с ними общался?

– Так я и говорю! – поясняет Алексей. – К ней муж пришел и двое детей – близняшки. Девочка и мальчик, лет шести-семи, наверное. Мужик меня спрашивает, как у нашей мамы дела? А девочка – а когда мама проснется?

– А ты?

– А я вспомнил про болезни и недостаток любви. Так вот, от них такая любовь исходит, я это сразу почувствовал... и сказал им, что все будет хорошо! – Алексей прекращает крутиться, встает и начинает расхаживать по ординаторской.

– Почувствовал? – повторяет Игорь, все еще разглядывая своего коллегу то ли с подозрением, то ли с сожалением. – А ты сам как себя чувствуешь? Может, тебе поспать? И, кстати, когда она помрет, я, конечно, позвоню им и скажу, но...

– А ты ей чего назначил? Какой антибиотик? – вдруг прерывает его Алексей.

– Что было, то и назначил. – Игорь удивлен. И не скрывает этого. – А что я должен был?..
– Делай, что должен... – Алексей берет историю болезни адвоката, где записан телефон его знакомых и коллег. – И будь, что будет!

* * *

– Здравствуйте! – Алексей сидит на стуле, ноги водрузив на стол. – Это из больницы беспокоят, дежурный доктор... да... да... насчет вашего коллеги... а, ну друга... да, к сожалению состояние резко ухудшилось! Да... мы делаем, что можем... нарастает отек мозга... застой в легких... сердечная недостаточность...

Игорь, сделав глоток из фляжки, внимательно слушает телефонный разговор.

– Да! – кивает собеседнику Алексей. – Я вам сейчас продиктую список лекарств... да, желательно прямо сейчас! Главное, антибиотики не забудьте! Отлично! Можете не благодарить! Это наша работа! – Алексей корчит рожи то телефонному собеседнику, то Игорю. Игорь в ответ вертит пальцем у виска.

– Ну? – спрашивает Игорь и предлагает флягу Алексею. Тот раздумывает, но все-таки отказывается.

– Нет, спасибо. Его шофер привезет лекарства в течение часа!

* * *

Алексей выходит за дверь – его ожидает пожилая пара. Он знаком с ними около месяца, столько лежит в реанимации их сын. Дежурные ответы на ежедневные вопросы. Алексей в который раз говорит, что угроза для жизни сохраняется. Что восстановление возможно, но не такое, на которое рассчитывают они, родители. Что наукой, которой занимался парень до травмы, он никогда больше не сможет... никогда...

– Его же пригласили в Швецию, вы знаете? – говорит его отец. Алексей все это слышал много раз, он согласно кивает, обращая внимание, что и отец и мать здорово сдали за этот месяц. – Он получил грант, как самый талантливый!

– Если бы он уехал на день раньше, – сокрушается мать. Она говорит так каждый раз. – Его бы его не сбила машина в тот день... и свет зеленый был...

– Я сейчас посмотрю, все ли в порядке, и пропущу вас, – Алексей пытается улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.